

УДК 291.1

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРАКТИКИ В СТРУКТУРЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЯН¹

© Татьяна Сергеевна ПРОНИНА

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии,
директор Центра религиоведческих исследований
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: tania_pronina@mail.ru

Проанализированы некоторые аспекты религиозности современных россиян. Выявлены кардинальное расхождение между уровнем декларируемой религиозности и активностью религиозных практик. В религиозности современных россиян высокий уровень формальной религиозной самоидентификации сочетается с незнанием основ веры и низким уровнем участия в религиозных практиках. Несистематическое исполнение обрядов, характерное для большинства россиян, не сопровождается усвоением веры на уровне внутренних убеждений. Религиозные нормы и принципы не становятся убеждениями и, следовательно, не оказывают существенного влияния на мотивацию поступков. Проведенный анализ религиозных практик, получивших наибольшее распространение среди россиян, свидетельствует о том, что массовая российская религиозность реализуется как культурная традиция, воспроизводство которой обеспечивается преемственностью бытовых, этнокультурных традиций. Такой тип религиозной идентичности существенно не затрагивает уровень убеждений и не предполагает обязательного исполнения норм и установлений конфессии. Наиболее распространенной в российском обществе сегодня является культурологическая модель восприятия религии, сочетающаяся с прагматическим характером религиозности. Однако незнание особенностей религиозной традиции у россиян сочетается с выраженным стремлением к самопрезентации принадлежности к этой традиции. Таким образом, декларирование собственной принадлежности к религиозному сообществу, религиозной традиции выступает не самопрезентацией религиозной идентичности, а способом этнокультурной и гражданской идентификации. Использованы результаты исследований, проводившихся Центром религиоведческих исследований Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина в Тамбовской области.

Ключевые слова: религиозные практики; религиозная идентичность; религия в постсоветской России

Одна из трудностей, с которой сталкивается исследователь религиозности, это «ускользающая реальность» религиозного опыта. Внутренние переживания трудно выразить, религиозная самоидентификация нередко носит формальный характер и адресует нас к нерелигиозным факторам. Возможность преодолеть названные затруднения предоставляет изучение религиозных практик, обнаруживающих атрибутивные характеристики религиозности и подлежащих фиксированному наблюдению. Дж. Фихтер, изучавший жизнь католических приходов в США, отмечает: «Религиозное поведение (посещение месс, участие в таинствах и т. п.) – измеряемое выражение религиозных верований и ценностей... С научной точки зрения этот

подход, вероятно, наиболее валидный и надежный при любых попытках изучить согласованность официальных идей католической церкви и действительных практик ее членов» [1, р. 259].

В ходе региональных исследований² мы предложили респондентам ответить на прямой вопрос «Какое место религия занимает в Вашей жизни?». Результаты опроса отражены на рис 1.

Больше половины респондентов – это 65 % – считают, что религия присутствует в их жизни на уровне традиций, праздников и обрядов. Это также подтверждает наш вывод о том, что религия в структуре идентичности россиян воспроизводится как элемент культурной традиции. 14 % констатировали, что религия не занимает существенного места в

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 16-03-00387 «Традиционные религии и религиозная идентичность в пост-секулярном обществе: на основе исследования православных приходов».

² Исследование Центра религиоведческих исследований ТГУ, 2011–2012 гг.

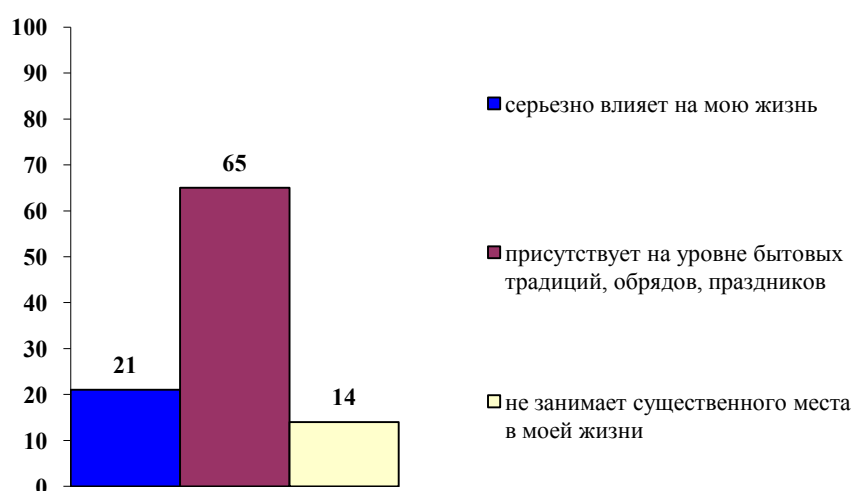

Рис. 1. Какое место религия занимает в Вашей жизни (%)?

их жизни. 21 % опрошенных ответил, что религия серьезно влияет на их жизнь.

Приблизительно такие же показатели характерны и для ряда европейских стран: по данным межстранового опроса 1990 г. «очень важна религия» для 14 % французов, 18 % британцев, 13 % жителей Германии, 15 % – Финляндии. И только в США этот показатель традиционно очень высокий – 54 % населения признают, религия оказывает серьезное влияние на их жизнь [2, с. 53]. Таким образом, с точки зрения оценки роли религии в их жизни россияне мало отличаются от европейцев.

Религиозные практики имеют индивидуальный и коллективный характер. Христианство и ислам, две традиционные для России религии, к последователям которых причисляют себя большинство россиян, предписывают участие в коллективных богослужениях. Для православных – это воскресная литургия, у мусульман – пятничная молитва в мечети, членам протестантских церквей необходимо быть в церкви в воскресенье или в субботу и хотя бы еще один день в неделю посвятить изучению Писания в группе. Чаще всего священнослужители и практикующие верующие названных религий определяют необходимую регулярность данной практики одним разом в неделю, что стало причиной выбранной нами периодичности посещения богослужения в качестве индикатора.

Как видно на рис. 2, наблюдается кардинальное расхождение между уровнем декла-

рируемой религиозности (87,9 % опрошенных назвали себя православными) и посещением богослужений: только 8 % опрошенных регулярно участвуют в жизни церкви, большинство же – 62 % посещают богослужение по большим праздникам (Рождественское, Пасхальное богослужение) или в связи с такими событиями, как крещение, венчание, панихиды, прибытие икон, мощей, других святынь. Этот результат также подтверждает вывод о том, что религия в жизни большинства россиян присутствует на уровне общепринятых и семейных культурных норм и традиций. Потому неслучайно, что, по признанию самих россиян, главным источником усвоения религиозных традиций является семья, а не религиозные организации. В процессе социализации на уровне семьи происходит формирование аскриптивных слоев религиозной идентичности. В дальнейшем их влияние на сознательную религиозную самоидентификацию сохраняется: 41 % взрослого населения и 80,7 % молодых респондентов ответили, что на их отношение к религии, на выбор веры в первую очередь повлияло семейное воспитание, семейные традиции. И только 18 % взрослого населения и 12 % молодежи ответили, что на их выбор веры повлияло посещение церкви, богослужения. Б. Дубин приводит данные опросов взрослого населения России, проведенных Аналитическим Центром Юрия Левады, по посещению богослужений с более либеральным подходом, чем предложенная нами шкала.

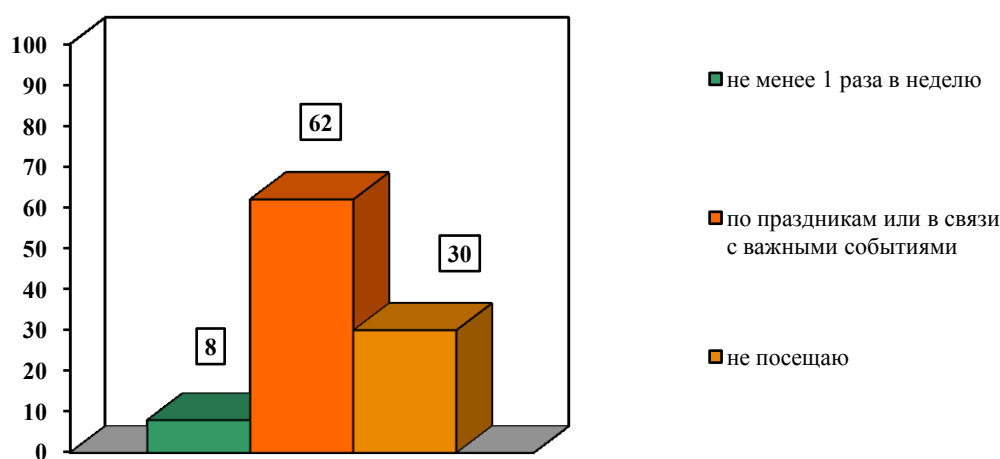

Рис. 2. Как часто Вы посещаете богослужение (%)?

Но и эти данные подтверждают, что уровень религиозного участия россиян находится на низком уровне: в 2003 г. один раз и более в месяц посещали богослужение 6 % опрошенных [3, с. 38].

По данным социологов религии С. Филатова и Р. Лункина, практикующих верующих в России 12–24 млн человек, т. е., соответственно, 8–16 %. Из них православных – в пределах 3–15 млн человек, что составляет 2–10 %, затем следуют мусульмане – около 3 млн, или 2 %, протестанты – около 1,5 млн, старообрядцы, иудаисты, буддисты и язычники вместе – меньше 1 млн человек [4].

По данным 2005 г., представленных Д.Е. Фурманом, К. Каарияйненном, В. Карповым, раз в месяц посещают церковь 11 % россиян, несколько раз в год – 21 %, раз в год и реже – 30 % и никогда не посещают церковь 38 % россиян [2, с. 55].

Изучая динамику изменений в религиозности россиян, мы фиксируем процессы, которые описывает Г. Дэви по отношению к европейскому обществу: действительно религиозных людей становится все меньше, но качество их веры возрастает [5]. Так, в группе тех, кто уверенно называют себя верующими, имеет место за последние 5 лет (сроки мониторинга) увеличение показателя по регулярному посещению богослужения, церкви с 7–10 до 16–20 %. Но эта тенденция пока не имеет устойчивого характера и проявляется только в отдельных, опять же весьма малочисленных группах населения.

Таким образом, высокая декларируемая религиозная самоидентификация россиян не находит соответствия в исполнении религиозных практик. Из чего можно предположить, что религиозная идентичность реализуется как элемент нерелигиозных структур в общей системе идентичности.

Помимо посещения богослужения, собраний религиозная активность проявляется в совершении обрядов. Россияне демонстрируют высокий уровень культурно-исторической преемственности в усвоении семейных обычаев и этнокультурных традиций. Исполнение обрядов жизненного цикла, таких как крещение, отпевание, венчание, освящение дома, и праздничные обряды и ритуалы имеет массовый характер. По региональным данным, крестят до 80 % рождающихся младенцев, около 50 % умерших отпевают, чуть более 50 % молодых людей, вступающих в брак, проходят процедуру церковного венчания. Тогда как в обрядах, требующих систематического регулярного исполнения, участвует узкий круг практикующих верующих. К таким обрядам следует отнести регулярное участие в богослужениях, пост, ежедневную молитву и другое, причастие, исповедь – для христиан.

Ю.Ю. Синелина в статье «Динамика религиозности Россиян (1989–2012)» приводит данные по исполнению обрядов россиянами: 1 раз в месяц и чаще посещают храм 10 % православных, 2 % мусульман, несколько раз в год – 33 % православных, 17 % мусульман.

Такое установление как пост требует от верующего большого напряжения, необходимости соблюдать целый ряд ограничений. В результате, соблюдают все посты 2 % православных и 1,5 % мусульман, иногда постятся 28 % православных и 29 % мусульман, не соблюдают постов 59 % православных и 50 % мусульман. Важнейшим для большинства направлений христианства является обряд причастия, который также требует соблюдения определенных предписаний: пост, посещение богослужений, чтение молитв, исповедь. Уровень регулярного исполнения этого обряда также очень низкий: причащаются раз в месяц и чаще 2 % православных, несколько раз в год – 10 %, реже одного раза в год – 26,5 %, никогда не причащались – 40 % православных [6].

Помимо посещения богослужения, собраний религиозная активность проявляется в исполнении молитвенных правил. Данные нашего исследования представляют нам, на первый взгляд, весьма положительную картину: около 14 % респондентов молятся несколько раз в день, 20 % – один раз в день. Но при этом 32 % признались, что совсем не молятся, и 34 % совершают молитву редко. Данные по общероссийским опросам приблизительно такие же. В книге «Новые церкви, старые верующие – старые церкви, новые верующие. Религия в постсоветской России» приводятся данные по 1999 г.: 15 % православных россиян молятся часто, иногда молятся 12 %, 44 % не молятся никогда [2, с. 23]. По результатам исследований сектора социологии ИСПИ РАН, которые приводила в своей статье «Динамика религиозности россиян (1989–2012)» Ю.Ю. Синелина, молятся церковными молитвами почти каждый день – 6 % православных, 53 % молятся своими молитвами, не молятся вообще 23 %. Таким образом, респонденты нередко рассматривают в качестве молитвы краткое обращение, своими словами обозначенное прошение, обнаруживая при этом низкий уровень знания молитв, принятых в церковной практике.

На то, что практикующая религиозность не приобрела массового характера, в отличие от декларируемой конфессиональной идентификации, указывает анализ социально-демографических характеристик практикующих верующих. Он подтверждает, что реаль-

ная религиозность не представлена равномерно во всех стратах общества, а воспроизводится в одной и той же категории россиян – это пожилые люди с преобладанием женщин. По данным Д.Е. Фурмана, К. Каарияйнена и В. Карпова, которые называют эту категорию «традиционные верующие», в их группе 82 % женщин, 43 % в возрасте от 30 до 60 лет и 47 % старше 60 лет, 49 % – пенсионеры, 34 % одиноких (2005 г.). Лиц с образованием ниже среднего в этой категории верующих в 1995 г. было 63 %, а в 2005 г. 33 %, с высшим образованием 11 %. 50 % из них до 16 лет жили в деревне, 31 % являются жителями сельской местности. Среди них больше, чем в других категориях граждан, людей с низким материальным достатком. С точки зрения психологических черт, 42 % верующих, принадлежащих к категории практикующих, чувствуют себя несчастными [2, с. 61-67].

Вместе с тем в группе всех верующих в целом за постсоветский период происходят позитивные изменения. Увеличивается число мужчин – так, если в 1991 г. их было 25 %, то в 2005 г. – 35 % (по данным Д.Е. Фурмана, К. Каарияйнена и В. Карпова). Растет число людей до 30 лет, также число лиц, имеющих высшее образование, средний и выше уровень доходов. Соответственно меняются и социально-психологические характеристики этой группы. Но происходит это, прежде всего, за счет значительного роста группы всех верующих. Численность же «практикующих» верующих почти не меняется. Таким образом, пополняется данная группа за счет аналогичного социального типа. Этот тип пожилых людей, с преобладанием женщин, ищет в религии, прежде всего, утешения, моральной поддержки, в церковных собраниях возможность общаться с такими же прихожанами, обсуждать общие проблемы и темы. «У наблюдателя, описывает данную ситуацию священник Г. Чистяков, может создаться впечатление, что пожилые женщины, 60–75 лет, составляющие, как правило, большинство постоянных прихожан каждого, особенно, сельского, а не городского прихода, всегда были верующими. Однако всего лишь 15 лет назад, когда старшим из них было не более 60, они вообще ничего не знали о вере и пришли к ней в тот момент, когда начала изменяться государственная политика в отно-

шении религии. Образцом для поведения они, естественно, избрали имитацию того стиля, который был присущ поколению их матерей и бабушек, т. е. тем людям, кто сохранили православие как исповедание и образ жизни в эпоху советской власти» [7].

Существенно иная ситуация наблюдается в общей группе всех верующих, которая пополнилась людьми разного возраста, половой принадлежности, социального статуса и достатка. Представители этой категории верующих имеют другие социальные и духовные потребности и возлагают на религию не только надежду на утешение в невзгодах, несчастьях. Они нуждаются в новой идеологии, системе ценностей, моральных авторитетах, культурных образцах. Представители данной группы обнаруживают значительно меньший уровень религиозной активности, у многих религиозность носит декларативный характер, а религиозная самоидентификация обнаруживает пересечения с гражданской и этно-культурной идентификацией.

Проведенный анализ религиозных практик, получивших наибольшее распространение среди россиян, также свидетельствует, на наш взгляд, о том, что массовая российская религиозность реализуется как культурная традиция, воспроизводство которой обеспечивается преемственностью бытовых, этнокультурных традиций. Такой тип религиозной идентичности существенно не затрагивает уровень убеждений и не предполагает обязательного исполнения норм и установлений конфессии.

Несистематическое, фрагментированное совершение обрядов, ритуалов разрушает целостность религии как системы. Вырванный из контекстуальной целостности обряд оказывается связанным с религиозной традицией лишь внешним образом, как привычное, аскриптивное, унаследованное действие. Такое отношение препятствует формированию понимания необходимости регулярного исполнения религиозной практики. Это косвенно указывает на то, что уровень внутренних убеждений остался не затронутым. Между указанными процессами существует взаимозависимость, и отсутствие регулярной религиозной практики, в свою очередь, не позволяет сформироваться глубоким убеждениям и пониманию смысла совершаемых актов. В свою очередь, религиозные представ-

ления и нормы, не ставшие убеждениями, не оказывают мотивирующего влияния на поведенческие акты и выбор социальных практик.

Региональные исследования религиозности выявляют тип религиозной идентичности, для которого характерно фрагментарное, прагматически ориентированное исполнение религиозных практик, как наиболее распространенный среди молодых людей (учащихся вузов и колледжей Тамбовской области). 44 % опрошенных молодых людей уверенно выбрали ответ «верующий» и 39,5 % выбрали вариант «скорее верующий». При этом 89,4 % молодых респондентов назвали себя православными. Из всех опрошенных молодых людей только 4,9 % посещают богослужение или религиозное собрание не менее одного раза в неделю, 65,4 % посещают богослужение по праздникам или в связи с особыми событиями, 28 % совсем не посещают богослужения.

Очевидно, что в структуре этнокультурной и гражданской идентичности наших респондентов религия заняла важнейшее место. Для такого, как мы его назвали, «идеологически-прагматического» типа религиозности в процессе религиозной идентификации важен социокультурный и идеологический статус религии, религиозного сообщества. Нередко представление об этом статусе реализуется на уровне исторических клише или бытующих стереотипов, формируемых и подкрепляемых СМИ. В нашем случае, на вопрос «Что для Вас значит православие?» молодые люди давали следующие ответы: «Это вера наших предков», «Это наша культура», «Это наша история», единицы упомянули имя Сергия Радонежского, целый ряд респондентов апеллировали к художественной красоте православных храмов и религиозного искусства. Из 1200 опрошенных ни один не затронул вероучительные положения или особенности православия, отличающие данную конфессию от других. Схожая ситуация и с ответами других категорий россиян. Для представителей данного типа религия стала фактором этнокультурной и гражданской идентичности. При этом уровень убеждений оказался слабо затронут, участие в религиозных практиках – низкое.

Более детальное изучение религиозности молодых людей показало, что они плохо

знают основы вероучения, содержание богослужений, тексты молитв. Их религиозная практика ограничивается посещением праздничного богослужения с друзьями, что нередко воспринимается не как участие в религиозном ритуале, а как интересное проведение свободного времени. Также часто встречается в среде учащейся молодежи единоразовое несистематическое совершение манипуляций, имитирующих элементы обрядов. Эти акты имеют прагматические цели и квалифицируются нами как квази-религиозность. В качестве примера таких манипуляций можно привести стремление «поставить свечку в церкви перед экзаменом», после чего большинство таких «верующих» не бывают в храме «до следующей сессии». При этом действие «поставить свечку» воспринимается как магический акт в духе древнеримского *“Do ut des”* (Даю, чтобы ты дал. – *Т. II.*). А магическое мышление, как известно, предельно прагматично.

Это мнение подтверждает Г. Чистяков – православный священник с приходом в центре Москвы: «Подавляющее большинство прихожан в церкви привлечено к церкви не содержанием службы, а какими-то отдельными чисто ритуальными моментами... Основную роль играют не личные отношения верующих с Богом, но тот материальный объект, своего рода фетиш, без которого религия для этих людей теряет смысл. С таким религиозным «материализмом» связана и позиция священника, который начинает видеть в себе не пастыря, задача которого состоит в том, чтобы помогать людям на дороге к Богу, а *sui generis* хранителя святыни, стража, чья функция заключается в том, чтобы не подпустить к святыне «непосвященного», т. е. не готового, либо так или иначе не очищенного от греха» [5, с. 69-70].

Приходится констатировать, что несистематическое исполнение обрядов не сопровождается усвоением веры на уровне внутренних убеждений. Религиозные нормы и принципы не становятся убеждениями и, следовательно, не оказывают существенного влияния на мотивацию поступков. Данное положение хорошо иллюстрирует пример с венчанием. Исполнение этого обряда приобрело массовый характер. При совершении таинства брака супружеские отношения получают сакральный статус, будущие супруги

дают клятву верности на всю жизнь, клянутся быть рядом и в горе, и в радости и т. п. Однако эти ригористические моральные установки не повлияли на высокий процент разводов в стране: в среднем по России, например, в 2012 г. на 1316 тыс. браков пришлось 642 тыс. разводов [8].

При этом исследователи выявляют уже устоявшиеся закономерности в частоте заключения браков по месяцам в зависимости от церковного календаря: т. е. вовремя постов, периодов, в которые церковным уставом запрещено заключение брака, снижается и количество актов гражданской регистрации браков. Формирование внешней взаимосвязи между церковными и гражданскими ритуалами не сопровождается формированием системы религиозных убеждений, прямым следствием чего было бы уменьшение числа разводов.

Таким образом, несистематическое отправление религиозных обрядов, прагматически ориентированное, а не являющееся закономерным проявлением религиозности, не сопровождается формированием системы религиозных убеждений. Для значительного числа россиян идентификация себя как верующих не предполагает обязательного исполнения обрядов. При низком уровне религиозной практики россияне очень высоко оценивают идеологическое значение религии и, прежде всего, православия. По словам Д.Е. Фурмана, «понятия «верующий» и «православный» девальвируются» [2, с. 57].

Содержание религиозной идентичности отражается также в системе религиозных представлений и религиозного знания: знают ли последователи вероучительные положения конфессии, с которой идентифицируют себя, какие именно положения и догматы знают и принимают, т. е. исповедуют, а к каким относятся с сомнением или считают устаревшими, как относятся к нововведениям в сфере догматики и богослужения. Картина в этой области оказалась очень информативной для исследователя религиозности современных россиян.

В сознании россиян оказались очень живучи и продолжают оказывать влияние на их религиозные представления мировоззренческие догмы советского времени. Мы уже отмечали, что за пятнадцать лет вырос почти в два раза удельный вес тех, кто стал утверди-

тельно отвечать на вопрос «Верите ли Вы в Бога?» – с 34 % в 1991 г. до 66 % в 2005 г. По данным опроса РОМИР 2012 г., верят в Бога 78 % опрошенных. По результатам опроса фонда «Общественное мнение» 2012 г. 68 % респондентов идентифицировали себя как православные, по данным опроса ВЦИОМ, в России 77 % православных. Таким образом, уровень формально обозначаемой религиозности у россиян очень высок. Но содержание догматов, составляющих основу вероисповедания, россияне воспринимают гораздо сложнее. Б. Дубин, по мнению которого россияне, уверенно признающих «Я верю в существование Бога и не сомневаюсь в этом», всего 30 % (2000 г.), приводит данные по вере в догматы: среди верующих в жизнь после смерти верят 45 %, в рай верят 39 % и в ад 39 % верующих [3, с. 35-44]. По данным, приводимым Д.Е. Фурманом, К. Каарияйне-ном и В. Карповым (опрос 2005 г.), только 49 % верующих верят, что Иисус существовал, 38 % в то, что он воскрес из мертвых, 40 % в то, что Бог сотворил мир [2, с. 50].

Признать веру в некоего абстрактного бога для россиян оказалось легче, чем принять совокупность религиозных догматов, имеющих конкретное содержание. Позитивистски ориентированное мышление, не имеющее регулярной религиозной практики, не в состоянии принять многие вероучительные положения – прежде всего те, которые заключают в себе элементы религиозной истины, противоречащей здравому смыслу или не получающие внешнего подтверждения. В данном случае мы имеем дело с парадоксом мировоззренческого характера. Он проявляется в том, что в сознании многих современных россиян «обыденный позитивизм», не готовый принять на веру догматические положения, не имеющие опытного и рационального обоснования, сочетается с широким распространением элементов магического мышления. Это подтверждает широкое распространение веры в астрологические, магические, парапсихологические, уфологические идеи. По данным Б. Дубина, верят в астрологию 30 % всех опрошенных и 47 % православных, в приметы – 51 % всех опрошенных и 51 % православных верят в магическую силу всевозможных амулетов. Примечательно, что по названным пунктам, согласно данным международного исследования досуго-

вых интересов населения, проводившегося в 1995 г. по инициативе “Roper Starch”, россияне опережают большинство стран мира [3, с. 36-37].

Интересно отметить и то, что при сравнении показателей верующих и неверующих по указанным позициям выясняется, что верующие в большей мере принимают разного рода парарелигиозные идеи. По мнению Б. Дубина, массовое распространение веры в оккультизм, магию, астрологию среди верующих, среди православных является характерной чертой современной российской религиозности. Указывая на неопитский характер религиозности россиян, он сравнивает похожий «конгломерат из языческих и христианских верований, символов, обрядовых элементов», который был присущ «религиозно-аморфным массам» населения римской империи периода первоначального формирования христианства [3].

Религиозную идентичность такого типа можно назвать инклюзивной. Она включает в себя элементы из разных культур и перерабатывает их в синкретическое единство, успешно адаптируя к потребностям современного человека. Востребованными оказываются отдельные элементы, удовлетворяющие ситуативный запрос потребителя духовных услуг.

Таким образом, на наш взгляд, наиболее распространенной в российском обществе сегодня является культурологическая модель восприятия религии, сочетающаяся с прагматическим характером религиозности. В религиозности современных россиян незнание особенностей религиозной традиции сочетается с выраженным стремлением к самопрезентации принадлежности к этой традиции. Если добавить к незнанию основ веры низкий уровень религиозной активности, характерный для этой категории россиян, то декларирование собственной принадлежности к религиозному сообществу, религиозной традиции выступает не самопрезентацией религиозной идентичности, а способом этнокультурной и гражданской самоидентификации. Таким образом, в ряду значимых констант, конституирующих этнокультурную и гражданскую идентичность современных россиян, православная традиция заняла одно из основных мест.

Список литературы

1. Fichter J.H. *Social Relations in the Urban Parish*. Chicago: University of Chicago Press, 1954.
2. Фурман Д., Каариайнен К., Карпов В. Религиозность в России в 90-е гг. XX – начале XXI в. // Новые церкви, старые верующие – старые церкви, новые верующие. Религия в постсоветской России. Москва; Санкт-Петербург: Летний сад, 2007.
3. Дубин Б. Массовая религиозная культура в России // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2004. № 3 (71). С. 35-44.
4. Филатов С., Лункин Р. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социологические исследования. 2005. № 6. С. 35-45.
5. Believing Without Belonging? A Conversation With Sociologist Grace Davie. URL: <http://www.albertmohler.com/2011/11/14/temp-grace-davie/> (дата обращения: 11.01.2015).
6. Синелина Ю.Ю. Динамика религиозности россиян (1989–2012) // Памяти Ю.Ю. Синелиной. Научные труды, воспоминания. М., 2014. С. 160-161.
7. Чистяков Г. Проблемы самоопределения православного самосознания // Религия и идентичность в России / сост. и отв. ред. М.Т. Степанянц. М.: Восточная литература, 2003. С. 70-71.
8. Щербак Е. Число зарегистрированных браков и разводов в 2012 г. снизилось. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0541/barom04.php> (дата обращения: 11.04.2014).
9. [Religiosity in Russia in the 90th of XX century – beginning of XXI century]. *Novye tserkvi, starye veruyushchie – starye tserkvi, novye veruyushchie. Religiya v postsovetsoy Rossii* [New churches, old believers – old churches, new believers]. Moscow, St. Petersburg, Letniy sad Publ., 2007. (In Russian).
10. Dubin B. Massovaya religioznaya kul'tura v Rossii [Mass religious culture in Russia]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya: Dannye. Analiz. Diskussii* – Bulletin of public opinion: Data. Analysis. Discussion, 2004, no 3 (71), pp. 35-44. (In Russian).
11. Filatov S., Lunkin R. Statistika rossiyskoy religioznosti: magiya tsifr i neodnoznachnaya real'nost' [Russian religiosity statistics: magic of numbers and multivalued reality]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*, 2005, no. 6, pp. 35-45. (In Russian).
12. *Believing Without Belonging? A Conversation With Sociologist Grace Davie*. Available at: <http://www.albertmohler.com/2011/11/14/temp-grace-davie/> (accessed 11.01.2015).
13. Sinelina Yu.Yu. Dinamika religioznosti Rossiyan (1989–2012) [Dynamics of Russian religiosity]. *Pamyati Yu.Yu. Sinelinoy. Nauchnye trudy, vospominaniya* [In memory of Yu.Yu. Sinelina. Transactions, recollections]. Moscow, 2014, pp. 160-161. (In Russian).
14. Chistyakov G. Problemy samoopredeleniya pravoslavnogo samosoznaniya [Problems of self-identity of orthodox self-actualization]. *Religiya i identichnost' v Rossii* [Religion and identity in Russia], executive ed.-compiler M.T. Stepanyants. Moscow, Vostochnaya literature Publ., 2003, pp. 70-71. (In Russian).
15. Shcherbakova E. *Chislo zaregistrirovannykh brakov i razvodov v 2012 g. snizilos'* [The number of registered marriages in 2012 comes down]. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0541/barom04.php> (accessed 11.04.2014).

References

1. Fichter J.H. *Social Relations in the Urban Parish*. Chicago, University of Chicago Press, 1954.
2. Furman D., Kaariaynen K., Karpov V. Religioznost' v Rossii v 90-e gg. XX – nachale XXI v.

Поступила в редакцию 11.03.2016 г.
Received 11 March 2016

UDC 291.1

RELIGIOUS PRACTICES IN THE STRUCTURE OF RELIGIOUS IDENTITY IN CONTEMPORARY RUSSIA

Tatyana Sergeevna PRONINA

Candidate of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of Philosophy Department, Director of Religious Researches Centre

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000

E-mail: tania_pronina@mail.ru

Some aspects of religiosity in contemporary Russia are analyzed. A fundamental difference between the declared level of religiosity and religious activity practices is revealed. In modern religiosity of Russians ignorance of the basics of faith coupled with a low level of activity of religious practices. Typical for the majority of Russians unsystematic holding the rituals is not accompanied by adoption of faith at the level of the moral certainty. Religious norms and principles do not become beliefs, so they have no significant effect on the motivation of actions. This analysis of religious practice which most prevalent among Russians testifies to that the mass Russian religiosity is implemented as a cultural tradition. Its reproduction is ensured by the continuity of domestic, ethnic and cultural traditions. Such type of religious identity does not significantly affect the level of belief and does not involve compulsory execution of rules and regulations of denominations. The cultural studies' model of perception of religion is the most widespread in modern Russian society; this model is combined with a pragmatic nature of religiosity. However, the Russians combine ignorance of the religious traditions' features with a strong aspiration for self-presentation of accessory to this tradition. Thus, declaring their belonging to a religious community, religious tradition is not a presentation of religious identity, and way of ethno-cultural and civic identity. The results of research conducted by the Center for religious studies, Tambov State University named after G.R. Derzhavin in Tambov region are used.

Key words: religious practice; religious identity; religion in post-Soviet Russia

Информация для цитирования:

Пронина Т.С. Религиозные практики в структуре религиозной идентичности современных россиян // Вестник Тамбовского университета. Серия Общественные науки. Тамбов, 2016. Т. 2. Вып. 2 (6). С. 40-48.

Pronina T.S. Religioznye praktiki v strukture religioznoy identichnosti sovremennykh rossiyan [Religious practices in the structure of religious identity in contemporary Russia]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Obshchestvennye nauki – Tambov University Review. Series: Social Sciences*, 2016, vol. 2, no. 2 (6), pp. 40-48. (In Russian).